

Глава 63

Болевые приступы

— Ну и... уродство?

«Уродство?!»

Имюэль замер, словно изваяние. Шерсть на его хвосте мгновенно встала дыбом, а сам он окончательно оцепенел. Так и застыв в нелепой позе с опущенной головой, герцог во все глаза разглядывал свой плешивый живот. Если бы жизнь была комиксом, в этот момент вокруг него наверняка рассыпались бы искры спецэффектов, знаменующих полное крушение личности.

«...»

Герцог Имюэль всегда был неоправданно высокого мнения о своей красоте. На пути к власти его осыпали проклятиями бесчисленное множество раз: его называли и тварью, и подлецом, и сукиным сыном — эпитеты сыпались на него как из рога изобилия. Но это был первый случай в его жизни, когда кто-то посмел назвать его уродом.

Кот пребывал в ступоре слишком долго, и это привлекло внимание Бай Юя. Убирая медицинские инструменты в ящик, врач мимоходом поинтересовался:

— Хм? Понимаешь, о чём я? Неужели ты и человеческую речь разбираешь?

Привычка разговаривать с питомцами была профессиональной деформацией любого ветеринара, и Бай Юй не был исключением.

Имюэль: «!»

Герцог вовремя спохватился — нельзя было позволить лекарю заподозрить неладное. Он поспешно прикрыл лысину на животе хвостом и, сделав вид, будто ничего не произошло, спрыгнул с кушетки.

Врач лишь слегка качнул головой и снова вернулся к книге.

Он всё так же изучал «Сборник стихов Ксориэля», перечитывая его с таким усердием, словно надеялся найти в рифмах откровение небес.

Некоторое время Имюэль бродил по кабинету. Убедившись, что лекарь полностью погружён в чтение и не обращает на него внимания, он вприпрыжку помчался на второй этаж.

После пережитых в первый день ужасов он терпеть не мог клинику. Ледяная сталь кушеток вызвала у него отвращение — куда больше ему нравилась светлая, залитая солнцем спальня на втором этаже.

Бай Юй, сидевший в шезлонге, удивлённо поднял глаза на промчавшийся мимо пушистый комок.

— Коротколапый, а бегаёт шустро, — прокомментировал он.

«...»

Услышав это, Имюэль едва не поскользнулся на ступеньке. С трудом удержав равновесие, он сердито потёр морду лапой, мысленно изрыгая проклятия:

«Будь ты проклят, костоправ!»

Если бы не необходимость скрываться, этот лекарь уже сотни раз успел бы расстаться с жизнью.

Ближе к сумеркам врач закончил свои изыскания.

Бай Юй оставил книгу открытой на столе, на странице, испещрённой пометками, и обратился к системе:

— 66, сможешь зафиксировать и сохранить всё, что здесь отмечено?

[Разумеется]

Система пронеслась над разворотом, и в мгновение ока все символы и узоры были занесены в её базу данных.

Бай Юй поднялся, снял с вешалки пепельно-серое пальто и поправил нагрудный знак. Он надел широкополую шляпу, повязал шерстяной шарф в тон и на мгновение замер перед зеркалом.

Отражение явило миру утончённого, интеллигентного мужчину — типичный образ иллирийского врача.

Выйдя за дверь, он последовал указаниям системы. Бай Юй посильнее натянул шляпу, скрывая

глаза в тени полей, и, свернув на перекрёстке перед рынком, смешался с толпой горожан.

Миновав оживлённые магистрали Иллирии, врач углубился в тихие переулки, пересёк заросшие бурьяном пустыри и, наконец, остановился перед старым, обветшалым собором.

Сегодня была суббота — день собрания, о котором упоминала та статная дама.

66 всё ещё пыталась сопоставить данные сюжета:

[Хост, на какую вообще организацию работал прежний владелец тела?]

— Судя по всему, на весьма сомнительную, — отозвался Бай Юй.

Собор был выстроен в классическом готическом стиле: острые шпили, окна-розетки... Но сейчас все стёкла были затянуты изнутри чёрной тканью, словно оберегая какую-то мрачную тайну. Лишь массивные двери были распахнуты настежь, зияя зловещей темнотой.

Мужчина шагнул внутрь, но не успел он разглядеть убранство, как на глаза ему наложили плотную повязку.

Мир исчез. Почувствовав на лице грубую ткань, Бай Юй на миг замер, но быстро взял себя в руки. Он стоял спокойно, сложив руки на груди, всем своим видом показывая, что проходит через эту процедуру в сотый раз.

Тут же к его лбу прикоснулось нечто холодное и твёрдое. Судя по ощущениям, это было дуло пистолета, причём немалого калибра. С такого расстояния выстрел превратил бы голову человека в раздавленный арбуз.

Рядом раздался вкрадчивый голос:

— Позывной?

— Ворон, — ответил он.

— Адрес?

— Сик-стрит, 335.

— Род занятий?

— Врач.

Перед ним ещё три-четыре человека проходили тот же допрос. Их спрашивали о позывных, местах жительства и ремесле — похоже, это была стандартная проверка для входа.

Бай Юй отвечал без запинки. Человек с пистолетом медленно выдохнул:

— Господин, да будем мы подобны факелам...

«...»

«Да будем мы подобны факелам...» — фраза явно была неоконченной. Это был пароль, на который требовался отзыв.

— Хм? — Дуло пистолета плотнее прижалось к его лбу. Незнакомец подался вперёд и с угрозой в голосе повторил: — Господин Ворон?

В ответ — всё то же молчание.

— Что ж, надеюсь, вы просто решили со мной подшутить. Даю вам время на счёт три. Три, два...

Палец на спусковом крючке дрогнул, Бай Юй услышал сухой щелчок взводимого курка.

Он слегка улыбнулся:

— Прошу прощения, на мгновение отвлёкся. Освещая путь грядущий.

Собеседник облегчённо выдохнул. Пистолет опустился.

— Извините, господин. После того как герцог исчез, в Иллирии стало беспокойно. Нам приказано усилить бдительность.

Человек развернулся и протянул Бай Юю трость. Ухватившись за один её конец, он знаком велел лекарю взяться за другой:

— Господин Ворон с Сик-стрит, следуйте за мной. Сегодня будут оглашены новые приказы.

Врач уверенно взял трость и шагнул в темноту.

66, парящая рядом, не смела даже вздохнуть. На её экране светилась та самая фраза: «Да будем мы подобны факелам, освещая путь грядущий».

Это был стандартный шифр организации. Скорее всего, вторая часть пароля была зашифрована в тех самых стихах, которые изучал хост.

66 была сложнейшим компьютером, но без исходного текста она была бессильна перед кодом. К счастью, этот охранник сам «подарил» им недостающие данные.

Фраза про факелы стала ключом. Ответы других людей также были занесены в базу системы, и теперь, благодаря колоссальным вычислительным мощностям, любой шифр в Иллирии стал для помощницы прозрачным.

[Боже мой] — на экранчике 66 появилось изображение истекающего потом смайлика. — [Когда вернусь, обязательно подам жалобу. Мир такой сложности, а у нас даже нет оригинала текста! Кто вообще составлял это задание? Нас что, убить хотят?]

Она была всего лишь системой для ролей в романах-истязаниях, а тут начались какие-то шпионские игры на выживание.

Хорошо ещё, что её хостом был Бай Юй. Будь на его месте какой-нибудь Се Юй или Линь Инь, последствия были бы катастрофическими.

Врач никак не прокомментировал стенания системы.

Проводник привёл его в центр собора, снял повязку и указал на стул.

Рядом с ним сидела та самая красавица, что заговорила с ним на улице. Она была облачена в пышное платье, украшенное кружевом, и лениво обмахивалась веером из перьев. Окинув Бай Юя взглядом, она улыбнулась:

— Ворон, давно не виделись.

— Давно, — коротко отозвался он.

Пока они обменивались любезностями, на свободное место справа от врача привели ещё одного человека. Лицо незнакомца пересекал уродливый шрам, а его могучие мышцы бугрились под одеждой — он выглядел как грубая сила во плоти.

Дама поприветствовала его:

— Акула-молот, и тебе доброго здоровья.

Бай Юй мысленно зафиксировал позывной.

Акула-молот уселся рядом. Похоже, он был хорошо знаком с прежним владельцем тела, так как сразу заговорил:

— В воскресенье в таверне будет отличный товар. Придешь?

Не успел лекарь ответить, как дама, прикрыв рот веером, рассмеялась:

— Опять каких-то симпатичных мальчишек или девчонок раздобыл? Почему для тебя любая смазливая мордашка — это «отличный товар»?

Акула-молот лишь хмыкнул:

— Говорят, эти прямиком из Герцогского дворца. Слухи ходят, что они не совсем обычные, с каким-то секретом. Хочу сам поглядеть.

— Не такие, как все? — фыркнула дама. — У всех один нос да пара глаз. Чем они могут отличаться? Что, у них кошачьи хвосты выросли?

— Не знаю, — буркнул Акула-молот. — Слухи это всё.

В это время слуга разнёс воду. Все взяли по стакану, чтобы промочить горло, но бб тут же подала сигнал:

[Хост, не пей!]

На её экране высветился анализ состава: «Хронический наркотический токсин, вызывающий привыкание».

Бай Юй поднёс стакан к губам, сделал вид, что пьёт, и, прикрываясь полой пальто, незаметно вылил содержимое в рукав. Подкладка его одежды была водонепроницаемой. После этого он непринуждённо опустил руку, и капли воды бесшумно скатились на пол.

Затем по рядам начали передавать листки с приказами. Бай Юй развернул свой и увидел всего два пункта:

[1. Разыскать местонахождение великого герцога Имюэля. Тщательно проверить все частные лечебницы. Укрывательство подозрительных лиц запрещено.]

[2. Уничтожать всех бродячих кошек неизвестного происхождения.]

Он аккуратно сложил листок и убрал его в карман.

Акула-молот недоуменно проворчал:

— Поиски герцога — это понятно. Но при чём тут кошки?

— Может, главаря какой-то кот оцарапал? — предположила дама.

— А может, ему просто захотелось воротник из кошачьего меха, — пожал плечами громила.

Закончив дела, они снова надели повязки и были выведены наружу.

Луна уже стояла в зените, когда Бай Юй, пересекая город, вернулся к своей лечебнице. Была глубокая полночь.

Этот мир оказался куда опаснее, чем он предполагал. Благо, врач не был местным жителем, а система имела свои протоколы защиты. Всю дорогу бб возмущённо бормотала, обещая подать жалобу и клянясь, что если хост погибнет из-за блокировки сюжета, она переселит его в другую книгу.

Тем не менее, Бай Юй не горел желанием испытывать смерть на вкус. Он решил, что завтра велит бб расшифровать остальные пометки в книге, а пока — пора было отдыхать.

Мужчина поднялся на второй этаж и осторожно открыл дверь в спальню.

В такой час Туаньцзы наверняка уже спал.

Чтобы не тревожить питомца, он не стал зажигать свет. Присев на край кровати, Бай Юй осторожно провёл рукой по одеялу, нащупывая пушистого жильца. Нужно было убедиться, что он не раздавит его, когда ляжет.

Но как только его пальцы коснулись Имюэля, он невольно замер.

Кот не спал. Он забился в самую глубь постели, свернувшись в какой-то неестественной позе, и мелко, лихорадочно дрожал.

Эта дрожь не была вызвана холодом или страхом — это были ритмичные мышечные сокращения, носившие явно болезненный характер.

В постели было зябко — без тепла человеческого тела кот никак не мог согреть простыни. Почувствовав ладонь лекаря, Имюэль невольно прижался к ней макушкой.

Тепло.

Бай Юй на мгновение застыл, а затем протянул руку и включил лампу.

Он осторожно откинул одеяло, обнажая кота.

Герцог приоткрыл глаза, бросил на Бай Юя беглый взгляд и снова спрятал морду в лапах.

«Пусть этот врач просто ляжет спать и оставит меня в покое...»

У него не было сил играть в «послушного питомца». Боль терзала его уже четвёртый час.

В период трансформации всегда выпадали такие дни — мучительные и невыносимые. Имюэль уже привык к этому.

Человеческий скелет слишком сильно отличался от кошачьего. Постоянные метаморфозы сдавливали тело, принося раздирающую боль. Суставы ныли и чесались, и герцогу приходилось проходить через это в каждый период изменений — иногда это длилось день, а иногда затягивалось почти на неделю.

Но даже привычная боль оставалась болью.

«Хорошо хоть, что всё скоро закончится», — пытался подбодрить себя Имюэль.

Самые сильные муки обычно наступали в финале трансформации. Стоило перетерпеть этот пик, и вскоре он снова обретёт человеческий облик.

Прижавшись лицом к подушке, герцог угрюмо размышлял:

«Когда я вернусь, первым делом прикажу сравнять эту лечебницу с землёй, а самого лекаря затащу во дворец».

Но что он будет делать с ним во дворце? Имюэль ещё не решил. Возможно, он бросит его в темницу, а в день казни явится к нему при всём параде — пусть этот неотёсанный мужлан увидит его истинное величие. Герцог будет смотреть на него свысока и издевательски спросит:

так всё-таки красив или уродлив правитель Иллирии?

Эти причудливые и нелепые фантазии немного притупляли остроту боли.

Рядом с ним Бай Юй внимательно наблюдал за состоянием пациента.

В этом мире не было того сложного оборудования, к которому он привык в своей прошлой жизни, и провести полную диагностику было невозможно. Но, судя по поведению кота, проблема заключалась в мышцах или костях.

Дыхание Имюэля стало поверхностным, тело сотрясала мелкая дрожь, а позы были странными и скованными. Золотистый пушистый хвост безжизненно вытянулся на простыне.

Бай Юй осторожно взял кота на руки и пересадил к себе на колени.

Герцог на миг замер, но не стал сопротивляться. Он покорно припал к бедру врача, а его пышный хвост, не найдя места, свесился вниз.

Несмотря на всё унижение своего положения, у него просто не было сил на протесты. В таком состоянии он не смог бы дать отпор, что бы врач ни задумал.

Имюэль лишь втайне надеялся, что забота лекаря в последние дни не была притворством, и тот не станет мучить его сейчас, когда ему хуже всего.

Бай Юй усадил его поудобнее и принялся осторожно прощупывать тело, пытаясь понять, где именно локализована боль.

«...»

Кожа на бёдрах врача была горячей, и вместе с одеялом это создавало вокруг кота островок тепла. Пальцы лекаря медленно скользили по шерсти, словно боясь причинить вред. Прикосновения были на удивление приятными.

Имюэль непроизвольно теснее прижался к мужчине.

Мягкое прощупывание не вызывало острой реакции — значит, дело было не в костных патологиях. Бай Юй чуть усилил нажим, массируя мышцы.

Кот снова прильнул к нему.

Руки врача были умелыми и уверенными. Он словно делал питомцу профессиональный массаж

или спа-процедуру. Под воздействием тепла ладоней и размеренных движений скованные болью мышцы начали понемногу расслабляться.

Бай Юй облегчённо выдохнул: массаж помогал, значит, кости в порядке, пострадала только мускулатура.

Он перебрал в памяти все известные ему случаи мышечных патологий у кошек, но ничего похожего не нашёл. Поглаживая Туаньцзы за ушами, он тихо спросил:

— Тебе хоть немного лучше?

Имюэль в ответ едва заметно вильнул хвостом.

Пушистый кончик коснулся щеки Бай Юя, мешая ему работать, поэтому тот перехватил хвост и аккуратно прижал его.

Герцог приоткрыл глаза, взглянул на свой хвост и позволил врачу отодвинуть его в сторону.

Кот был совсем крохотным, а его шерсть — мягкой, словно облако. Бай Юю хватало нескольких движений, чтобы ощупать его целиком. Он ласково разминал тельце, как если бы в его руках был нежный зефир.

Под размеренными движениями лекаря Имюэль наконец почувствовал долгожданную сонливость.

Температура под одеялом была идеальной, и, как бы герцогу ни было неприятно это признавать, колени врача были очень удобными.

В этот момент он услышал бормотание Бай Юя.

Врач, казалось, вслух анализировал историю болезни, взвешивая каждое слово:

— ...Внезапный приступ, мышечные судороги, нерегулярные боли, которые снимаются массажем. Других симптомов нет. Неужели это какое-то генетическое заболевание?

Наследственных болезней у кошачьих хватало — взять хотя бы тех же вислоухих шотландцев с их дефектными генами. Как опытный ветеринар, Бай Юй при мысли о генетических проблемах пришёл к единственному логичному выводу:

— Что ж... — он вздохнул. — Придётся тебя кастрировать?

Имюэль замер.

Хотя он не до конца понимал значение этого слова, интуиция подсказывала — ничего хорошего оно не сулило.

Следом рука врача соскользнула вниз, ощупывая область под хвостом.

Герцог одеревенел.

Несмотря на недавнюю рану, которая пока не позволяла провести операцию, Бай Юй решил заранее оценить фронт работ. Его ладонь остановилась на пушистых «бубенчиках». Врач даже слегка прикинул их размер.

Имюэль: «!!!»

Кровь бросилась герцогу в голову. Будь он сейчас в человеческом облике, его лицо пылало бы ярче благородного вина.

Он мгновенно осознал, что именно означает это слово.

Проклятый лекарь! Он задумал совершить над ним нечто столь извращённое и чудовищное!

В один миг Имюэль забыл о боли трансформации. Охваченный праведным гневом и ужасом, он сорвался с колен Бай Юя. Когда мужчина инстинктивно попытался подхватить его, кот выпустил когти...

Острые лезвия скользнули по коже, оставив на руке тонкую кровавую полосу.

«...»

Имюэль приземлился у изголовья кровати и застыл, глядя на руку лекаря.

Длинные, изящные пальцы теперь украшали алые капли. Рана на светлой коже смотрелась как трещина на драгоценном нефрите.

Лекарь... ранен?

«Что я наделал?»

Герцог тут же вспомнил о своей нынешней роли — послушного, ласкового питомца. А

примерные питомцы никогда не выпускают когти на своего хозяина.

Тело, которое только перестало дрожать, вновь сковала судорога — на этот раз от страха.

В один миг в его голове пронеслось множество картин: предупреждение врача «будь хорошим мальчиком», кошки с удалёнными когтями в руках светских дам, безжизненные тела в подземельях Герцогского дворца... Его зубы невольно застучали.

«Нельзя было... Мне нельзя было выпускать когти, пока я завишу от него».

Непокорных питомцев либо калечат, либо убивают.

Бай Юй заметил смятение кота. В лазурных глазах застыл почти человеческий ужас, словно животное провалилось в кошмарный сон. Врач медленно протянул руку и снова осторожно поднял золотой комок.

Царапина почти не болела — откуда у маленького кота взялась такой силе? В прошлой жизни Бай Юя царапали куда сильнее.

Но Имюэль был в настоящем ужасе.

Его тело всё ещё тянулось к теплу ладоней лекаря, но разум замирал в ожидании неминуемой расправы. Герцог лихорадочно соображал, как заслужить прощение.

Как домашнее животное может вымолить милость?

И, кажется, он нашёл ответ.

Имюэль покорно замер в руках Бай Юя, высунул крохотный розовый язычок и виновато, заискивающе лизнул саднившую царапину.

Врач замер, а Туаньцзы, склонив голову, преданно заглянул ему в глаза.

— Мяу...

<http://bllate.org/book/15869/1504196>